

Хань Чжоу находился в прекрасном настроении, которое невозможно было описать словами, оставалось лишь похвастаться. Он открыл фронтальную камеру, встал у окна и сфотографировал цветочный горшок вместе с одеждой, которую ему купил Цзинь Шуань.

Если человек красив, он хорошо получится на любом снимке. Он открыл свою страницу в соцсетях и добавил подпись к фото: «С нетерпением жду того дня, когда всё станет зелёным» [брокколи/эмодзи].

Пятнадцать минут спустя Хань Чжоу снова взглянул на телефон и увидел кучу уведомлений в ленте. Он не стал вчитываться в остальные сообщения, быстро пролистал разноцветные аватарки и нашёл Цзинь Шуаня.

Цзинь Шуань: «Кто станет зелёным?»

Спустя три секунды Хань Чжоу получил звонок от Цзинь Шуаня.

— Что ты имел в виду в посте? — голос Цзинь Шуаня звучал несколько напряжённо.

Только тогда Хань Чжоу осознал, что его подпись можно было истолковать двояко. Он рассмеялся, держа трубку, но не хотел раскрывать секрет с брокколи так рано, желая сделать сюрприз. Поэтому он быстро соврал:

— Одежда, одежда! Ты же купил мне эту тёмно-зелёную вещь, вот я и решил похвастаться, показать, как мы любим друг друга. В общем, не думай лишнего, это точно не тот «зелёный»!

— ... — Цзинь Шуань вздохнул. Услышав такую явную ложь, он понял, что Хань Чжоу намеренно что-то скрывает, и не стал настаивать. — Ладно. Ты вернёшься сегодня в Цзиньхэ?

Цзиньхэ № 1 был районом, где жил Цзинь Шуань.

— Нет, — ответил Хань Чжоу, садясь за рабочий стол. — Это слишком далеко. Утром мне пришлось бы вставать на полчаса раньше, а вечером обратно неудобно ехать на такси.

— Понятно, — в голосе Цзинь Шуаня чувствовалась лёгкая досада, но он тут же добавил:

— Но зачем такси? Я же утром сказал, что ключи от машины лежат в ящике стола в кабинете. Ты не нашёл?

— Я просто не хотел ехать на машине, — признался Хань Чжоу.

Машина Цзинь Шуаня была для Хань Чжоу слишком роскошной. Его собственный Mercedes-Benz G 65 уже считался верхом мечтаний для среднего класса, а если бы он приехал на ещё более дорогом автомобиле, это неминуемо вызвало бы сплетни.

И, конечно, эти сплетни были бы связаны с их отношениями.

Хань Чжоу пока не хотел раскрывать свой роман. Во-первых, не было необходимости объяснять это студентам и коллегам в студии, а во-вторых, он всё-таки преподаватель, и публичное признание могло вызвать ненужные последствия. Но самое главное — хотя художники и толерантны к гомосексуальности, их воображение слишком богато. Они бы тут же придумали что-то вроде:

«Мужчина внезапно разбогател. Раскрываем секрет: жизнь может быть интереснее, чем в кино!»

«Шокирующе! Красивый преподаватель творческого экзамена живёт с женщиной, и это...»

«В тот день учитель Хань встал на путь, с которого нет возврата. Сколько боли и отчаяния скрывается за этим?»

«Кто тут главный в отношениях? Битва за лидерство между Хань и его партнёром!»

Чтобы избежать ненужных проблем, Хань Чжоу утром просто взял такси.

Утром Хань Чжоу бродил по комнате Цзинь Шуаня и заметил на столе квадратную коробку из бархата, выглядывшую скромно и элегантно.

Он провёл пальцами по крышке, и интуиция подсказала ему, что внутри лежит подарок от Цзинь Шуаня.

Хотя это было не совсем правильно, чувства возбуждения и любопытства взяли верх, и он открыл коробку.

Там он увидел целую коробку ручек...

Несмотря на отмену Золотой недели, в начале мая многие всё ещё путешествовали. Чтобы избежать столпотворения, студия назначила пленэр на 20 мая, понедельник. Поэтому накануне Хань Чжоу, как обычно, дал всем выходной. Студенты и преподаватели разошлись по магазинам, а он сам договорился встретиться с Цзинь Шуанем.

Хань Чжоу бросил пакет чипсов в тележку и обернулся:

— Я проведу в Мацзягоу десять дней. Если у тебя будет время, присоединяйся.

— Посмотрим, сейчас довольно занят, — ответил Цзинь Шуань.

Его команда была почти готова, и они активно брали новые проекты, так что свободного времени действительно не было.

Он говорил прямо, без намёков или уклонений. Его сотрудники приехали сюда издалека, что говорило об их доверии, поэтому, за исключением срочных дел, он не стал бы жертвовать работой ради романтики.

Хань Чжоу обнял Цзинь Шуаня за шею и с улыбкой сказал:

— Ладно, решай сам. Это обычная деревня. Если не сможешь приехать, просто жди, пока я привезу тебе фрукты.

Их отношения были именно такими. Они были близки, но никто не требовал от другого чего-то конкретного и не пытался изменить партнёра. Эти отношения были комфортными, и каждый мог оставаться собой.

Если слишком увлечься в начале, можно быстро истощить терпение, и когда наступит период затишья, это может вызвать усталость и раздражение. Отсюда и знаменитое «если бы только всё было как в первые дни».

А любовь должна быть радостью, дополняющей жизнь.

Они закончили с обычным супермаркетом и отправились в магазин импортных товаров. После

того как Хань Чжоу стал преподавателем на полную ставку, у него почти не осталось времени на развлечения. Он питался либо дома, либо в столовой, и его тело, лишённое привычных добавок, требовало компенсации. Он решил воспользоваться случаем и закупить вредной еды.

После этого Цзинь Шуань перенёс переезд своей фирмы на две недели раньше. Хотя архитекторам всё равно приходилось работать в разных условиях, это позволяло высвободить несколько дней, чтобы не отставать от работы и при этом провести время с Хань Чжоу.

Хань Чжоу был очень рад. Совместный пленэр был второстепенным, но главное — после возвращения из Мацзягоу он мог сидеть в своём кабинете и видеть окно своего любимого человека!

Каково это, когда твой любимый человек живёт напротив? Когда устаёшь на занятиях — поднимаешь голову. Когда работа надоедает — поднимаешь голову. Когда погода хорошая — поднимаешь голову. А если захочется пофлиртовать, можно просто заглянуть в окно офиса. Неважно, смотрит ли он в этот момент на тебя, просто знание, что он там, наполняет сердце теплом.

Теперь, когда они работали в одном месте, они могли вместе обедать, вместе возвращаться домой. А ещё он помнил, что в кабинете Цзинь Шуаня была спальня, а значит, у них была возможность проводить время вместе.

Мысль об этом вызывала у него восторг.

Потом он побежал на рынок, купил длинный низкий цветочный горшок, посадил в него семена цветной капусты, которые купил вместе с брокколи, и отнёс его на 22-й этаж напротив.

Через пять минут Цзинь Шуань получил звонок от сотрудницы.

— Здесь мужчина, который называет себя вашим новым соседом, принёс цветочный горшок. Мы предложили оставить его снаружи, пока вы не приедете, но он настаивает на том, чтобы занести его в ваш офис. Что будем делать?

Женщина, державшая трубку, смотрела на Хань Чжоу, затем на странный стеклянный горшок у его ног, чувствуя себя неловко, но в то же время сдерживая смех.

Она немного послушала в трубку, затем передала телефон Хань Чжоу.

— Эй, это Цзинь Шуань? Я Хань, открыл студию напротив. Мы раньше встречались, помнишь?

Хань Чжоу, не дожидаясь ответа, быстро начал говорить.

— А, Хань, здравствуй, — Цзинь Шуань не смог сдержать смеха.

Когда у тебя дома ребёнок с актёрскими задатками, приходится играть вместе. Он сказал:

— Дорогой, передай трубку тому, с кем ты говорил.

— Хорошо.

Хань Чжоу протянул руку сотруднице. Та послушала немного, затем вернула телефон, с лёгким удивлением в глазах:

— Мистер Цзинь сказал, что вы можете занести горшок внутрь.

— Спасибо!

Хань Чжоу кивнул, зажал телефон между плечом и ухом, поднял горшок и направился в офис Цзинь Шуаня, продолжая болтать:

— Я увидел, что вы переезжаете, и решил купить вам подарок на новоселье... Нет-нет, не стоит благодарности, что за церемонии...

Он немного ускорился, чтобы сотрудница не успела догнать его, и шёпотом сказал в трубку:

— Называй меня «любимым», а не «церемонным»!

<http://bllate.org/book/15564/1415563>